

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

*Тайна серебряного
креста*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *Л. Латышова*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Серова, Марина Сергеевна.
С32 Тайна серебряного креста / Мари-
на Серова. — Москва : Эксмо, 2026. —
320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-232930-2

Молодая талантливая актриса Алиса Воронцова накануне премьеры найдена мертвой на сцене театра. Полиция закрывает дело, списав все на самоубийство, вызванное стрессом. Но мать девушки убеждена: ее дочь убили. Частный детектив Татьяна Иванова быстро обнаруживает, что смерть Алисы — это тщательно спланированный спектакль, полный нестыковок. Тень таинственного криминального авторитета по имени Серафим, загадочная смерть настоящей матери Алисы, потерянное наследство и документы, спрятанные в украденной иконе, — все это звенья одной цепи. Кто-то очень могущественный готов убивать, чтобы старые секреты никогда не были раскрыты.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-232930-2

ГЛАВА 1

ДЖУЛЬЕТТА НАВСЕГДА

Тишина в Театре имени Чехова после ночной репетиции была особой, насыщенной усталостью и предвкушением. В воздухе пахло старым деревом кулис, пылью бархата кресел и едва уловимым ароматом грима. Но сегодня тишина была мертвой, леденящей. Ее нарушил не крик, а сдавленный стон осветителя, наткнувшегося на кошмарную картину при проверке сцены.

Она лежала в центре просцениума¹, в луче одинокого софита, как будто в последнем акте самой трагической пьесы. Алиса Воронцова. Местная звезда, Джульетта завтрашней долгожданной премьеры, которая должна была стать ее билетом в столичные театры. Но играть ей больше не придется.

Алиса была одета в свой сценический наряд — роскошное платье эпохи Возрождения из тяже-

---

¹ П р о с ц е н и у м — передняя, ближайшая к зрителям часть сцены, расположенная перед порталом сцены и занавесом.

лой переливающейся парчи глубокого холодного золота с вплетенными нитями бордового, создававшими богатый узор. Платье выглядело чуть помятым теперь от неподвижности тела, но складки у бедер были неестественно аккуратно расправлены. Лицо, обычно столь выразительное, было мертвенно-бледным, фарфорово-гладким и удивительно спокойным, будто Алиса уснула. Веки были закрыты, очень бледные губы с легким синеватым оттенком казались безмятежными. Светлые пепельно-льняные волосы с жемчужным отливом раскинулись идеальным сияющим веером, как призрачный нимб, по темному дереву сцены, придавая скульптурное выражение бледному лицу девушки. В правой руке, вытянутой вдоль тела, неестественно театрально, словно по режиссерской указке, зажат маленький пустой флакон из темного стекла. Левая рука лежит ладонью вверх на груди, будто замерла в последнем вздохе. Весь образ походил на драгоценную хрупкую реликвию, навсегда застывшую в своей гробнице под лучом софита, — прекрасную и жуткую в искусственной, постановочной законченности.

— Господи... — прошептал осветитель, отшатнувшись. — Алиса... Что ж ты...

Он нажал кнопку телефона, голос срывался.

— Скорая! Полиция! Сцена! Срочно! Алиса Воронцова... не дышит...

В считанные минуты тишину сменила тревожная какофония. Завыли сирены подъез-

жающих машин, сцена заполнилась людьми в униформе. Сперва растерянные сотрудники театра, потом медики, констатировавшие очевидное, и, наконец, полиция. Среди последних выделялся подполковник Кирьянов Владимир Сергеевич — мужчина с усталым, но острым взглядом, в поношенном, но чистом плаще. Его лицо было каменным, профессионально-бесстрастным и сдержанным, но в уголках глаз читалось тяжелое напряжение.

— Самоубийство? — пробормотал он, окидывая взглядом сцену, тело, позу, флакон. — Накануне премьеры? Странно.

Он отдавал распоряжения спокойным ровным голосом. Оцепление. Фотофиксация. Никого не пускать. Отделить очевидцев. Его взгляд скользнул по неестественно вытянутой руке с флаконом, по аккуратно расправленным складкам платя у бедер. Слишком... постановочно. Как будто кто-то старательно уложил ее для финального кадра.

Пока судмедэксперты осторожно начинали свою работу, а оперативники прочесывали кулисы и гримерки, Кирьянов подошел к телу. Он не прикоснулся, лишь внимательно всмотрелся. Хрупкая фигура в тяжелом золоте парчи, мертвенно-бледная кожа, контрастирующая с холодным сиянием пепельно-льняных волос, неестественное спокойствие черт. Молодая, талантливая... И этот пустой флакон. Снотворное,

если судить по маркировке. Сильное снотворное. Летальное в такой дозе? Легко. Он вздохнул. Стресс перед премьерой? Личные проблемы? Банально, но... часто бывает именно так. Театр — нервное место.

Я сидела на собственной кухне и наслаждалась ароматом только что приготовленного кофе, отпуск после очередного детективного расследования пошел мне на пользу. Пребывая в бодром расположении духа, я частенько с любовью поглядывала в сторону новенькой кофемашины. Кофе — моя слабость, и, наконец заменив старую кофемашину на новую, я могла браться с новыми силами за работу. На столе передо мной любимый предмет: три старинные двенадцатигранные гадальные кости, по которым я успела соскучиться. Всегда верила в знаки и при сложных обстоятельствах обращаюсь к своим помощникам.

Я ждала очередную потенциальную клиентку. Позвонили мне с полчаса назад и попросили о срочной встрече. На самом деле я очень редко принимаю клиентов дома — стараюсь назначать встречи в кафе или парке, в общем, на нейтральной территории. Но здесь то ли потому, что мне было категорически лень куда-то идти или ехать, то ли из-за отчаяния, звучавшего в голосе женщины, предложила ей подъехать ко мне домой.

В дверь постучали, и она отворилась с легким скрипом. Вошла женщина. Не просто вошла — вплыла, словно тень горя, обволакивающая все вокруг. Я увидела ее, и мое настроение резко поменялось. Выглядела она старше своих лет, будто за одну ночь время пронеслось над ней десятилетием. Карие, почти черные глаза, красные от слез и бессонницы, казались огромными на осунувшемся лице. В руках она сжимала простую папку из картона, как якорь спасения.

— Татьяна Александровна? — Голос едва слышный, хриплый. — Я звонила вам... Я... мама Алисы. Воронцова Ольга Петровна. Мне... мне сказали, вы помогаете в... сложных ситуациях.

Отставив в сторону чашку кофе, я жестом пригласила женщину.

— Садитесь, Ольга Петровна, — сказала я мягко, но без излишней жалости. Налив стакан воды, я пододвинула его к женщине. — Чем могу помочь? Говорите.

Ольга Петровна не пила. Она положила папку на стол, дрожащими пальцами раскрыла ее. Внутри лежали несколько листов с печатями и подписями.

— Мою дочь... Алису... нашли в театре. Мертвой. — Голос сорвался на последнем слове. Она сглотнула ком в горле. — Они говорят... самоубийство. Вот... заключение. Предварительное. — Она вытащила верхний лист, про-

тянула мне. — Читайте. Они говорят — стресс, личные проблемы, таблетки... Сама выпила. Но это ложь!

Я взяла лист. Сухой казенный язык. «В крови обнаружена летальная концентрация снотворного... Признаков насильственной смерти, повреждений, указывающих на борьбу или удержание, не выявлено... Поза тела характерна для добровольного приема препарата... Предварительное заключение: смерть в результате преднамеренного приема препарата. Мотив — личные проблемы, стресс перед значимым событием (премьера спектакля)».

Не успела я поднять глаза, как Ольга Петровна — ее голос набирал силу от гнева и отчаяния — перебила:

— Она не могла! Понимаете? НИКОГДА! Это был ее звездный час! Премьера! Весь город ждал! Столичные критики приехали! Она сияла, Татьяна Александровна, сияла от предвкушения! Строила планы на гастроли! За день до смерти смеялась! Какой стресс? Какие проблемы? Это абсурд! И посмотрите СЮДА! — Она резко перевернула страницу в папке, тыча пальцем в строчки. — Пишут же сами! Поза «нестественно театральная!» «Как будто уложена по сценарию!» Зачем ей это? Если она просто выпила таблетки и упала? Значит, кто-то уложил! Подстроил! Сделал это похожим на спектакль! Как Джульетту в гробнице!

Она тяжело дышала, глаза горели.

— И флакон! Вот, читайте! — Ольга лихорадочно нашла нужный абзац. — «Флакон крепко зажат в правой руке. Четких отпечатков пальцев погибшей не обнаружено, лишь смазанные следы!» Слышите? СМАЗАННЫЕ СЛЕДЫ! Как так? Если она сама открывала, сама пила, сама держала его до потери сознания? Отпечатки должны быть! Их нет! Значит, ей его вложили в руку! Уже после!

Она схватилась за край стола, костяшки пальцев побелели.

— И рвоты! Нет следов рвоты! — продолжала она, почти крича от ярости и боли. — Тут же написано! А снотворное в такой дозе — оно же должно было вызвать тошноту, рвоту! Где она? На платье? На сцене? Нет! Чисто! Как будто она... как будто ее просто усыпили и уложили! А желудок! — Она снова ткнула в отчет. — «Остатки нерастворившейся взвеси... количество не соответствует объему таблеток, необходимых для летальной дозы!» Что это значит? Значит, она не проглотила столько сама! Значит, препарат попал в нее как-то иначе! Может, ей влили его? Укололи?!

Слезы хлынули снова, но Ольга Петровна яростно смахнула их тыльной стороной ладони. Ее горе переходило в яростное отрицание.

— И даже алкоголь... — добавила она тише, но с не меньшей горечью. — «Этанол в дозе, со-

ответствующей примерно 50 г вина». Когда? Во время репетиции? Алиса никогда не пила перед работой! Никогда! Это не она! Кто-то подлил ей в чай? Подмешал таблетки? И полиция?! — Ее голос снова сорвался на крик. — Они видят все это! Они пишут: «первоначально указывает на самоубийство», «требует дополнительной проверки»! И что?! Закрыли дело! Списали на «личные проблемы»! На «стресс»! Не стали искать! Не стали проверять КОНКРЕТНО эти несоответствия! Потому что скандал? Потому что премьера? Потому что им мало доказательств и вряд ли они появятся, если не начать искать сейчас!

Она уставилась на меня, в ее взгляде была бездна горя и последняя искра надежды.

— Я им не верю, Татьяна Александровна. Они упустили правду. Должны были упустить или... не захотели видеть. Моя Алиса не покончила с собой. Ее убили. Подстроили этот... этот театральный спектакль смерти!

В ее глазах горела не только мольба, но и стальная решимость. Я осторожно положила руку на папку с заключением.

— Ольга Петровна, — спросила я тихо, но очень четко, глядя матери прямо в глаза, — почему вы пришли именно ко мне? Почему не доверили это полиции? Ведь формально они ведут расследование. У них ресурсы, полномочия. Подполковник Кирьянов... очень неглупый человек. Я видела, он заметил странности.

Ольга Петровна резко вдохнула, словно вопрос ударил ее по больному месту. Ее губы искривила горькая усмешка.

— Доверить полиции? — Она произнесла это слово так, будто оно обжигало язык. — Для них моя дочь — просто еще одна «папка» для галочки. — Ее голос зазвучал с ледяной, накопленной годами горечью. — Они уже все решили! Версия «суицид» для их удобства, и начальство довольно — скандала нет. А копаться в «несоответствиях»? Искать убийцу, который, возможно, имеет вес в городе или в том же театре? Рисковать? Тратить время? Нет уж! Проще списать на «несчастную актрису»!

Она нервно сжала руки.

— А Кириянов... — Ольга махнула рукой. — Да, он хороший человек, видя, как я страдаю, направил меня к вам, сказав, что полицией дело будет закрыто из-за недостатка улик. — Голос ее снова дрогнул, но она выпрямилась: — Я должна знать ПРАВДУ. Настоящую правду. Не ту, что удобна чиновникам или театральному начальству. А ту, что вернет моей дочери ее честь! Докажет, что она была сильной, что ее убили!

— А если вы ошибаетесь? — мягко предположила я. — Владимира Кириянова, подполковника полиции, я знаю давно. Он не закроет дело, лишь бы избавиться от «висяка». Значит... по всей вероятности, речь действительно может идти о самоубийстве. Если вдруг у вашей доче-

ри что-то случилось? Что-то серьезное и очень внезапно? И она не справилась с потрясением?

Она посмотрела на меня с таким напряжением, что казалось, пыталась заглянуть в самую душу.

— Про вас я давно слышала... — Ольга сделала паузу, подбирая слова: — Вы не боитесь сложных дел. Вы... смотрите глубже бумажек. Вы верите не только протоколам, но и... людям. Их боли. Их интуиции. Вы ищете, пока не найдете. Вы не остановитесь, если почувствуете ложь. Мне нужен был кто-то, кто УСЛЫШИТ меня. Не полицейский, который видит статистику, а ЧЕЛОВЕК, который увидит МАТЬ и ее ДОЧЬ. Который поверит, что Алиса НЕ могла этого сделать. И который не испугается, если правда окажется... опасной. Вот почему я пришла к вам. Вы моя последняя надежда. — Она помолчала и добавила неуверенно: — Мне бы хотелось, чтобы вы занялись этим делом. Если Алиса и впрямь решилась на такой страшный шаг... я хочу знать, что этому способствовало. Если же нет — выяснить, кто ее убил.

— Вы говорите, у нее не было проблем? Ни личных, ни профессиональных? — уточнила я, откладывая заключение.

Ольга Петровна замялась. Глубокая складка легла между бровей.

— Проблемы... — Она произнесла слово с усилием. — Была одна, щекотливая. Но мы...

казалось, ее преодолели. — Она посмотрела на меня измученным взглядом. — Где-то месяц назад... Алиса узнала, что я... не ее родная мать. Она удочеренная.

Я не дрогнула, лишь слегка приподняла бровь, давая женщине продолжить.

— Реакция была бурная. Шок, слезы, вопросы. Кто? Почему? Но потом... она словно одумалась. Обняла меня, сказала: «Ты моя мама, единственная и самая лучшая. Кровь — не главное». И... все. Казалось, она приняла это. Стала даже нежнее, внимательнее. Говорила, что хочет узнать о своих корнях, но без спешки. И уж точно не из-за этого... не из-за этого она бы... — Голос снова предательски дрогнул.

— Как она оказалась у вас? — спросила я осторожно.

Ольга Петровна глубоко вздохнула, словно собираясь с силами и вспоминая о прошлом:

— Я раньше работала в Серафимовском монастыре. В Покровске. Это было больше двадцати лет назад. Однажды ранним утром нашли младенца. Подкидыша. В корзинке у ворот. Девочка. Совсем кроха. Монахини суетились. А я... — Она замолчала, глядя куда-то вдаль. — Я стояла в стороне, слышала, как они шептались: куда девать, в детдом. А у меня... детей не было. Не получалось. И врачи говорили, шансов мало. Я посмотрела на эту крошку и поняла: это мой шанс. Моя дочь. Я добилась разрешения,

прошла все круги ада с бумагами и удочерила ее. Назвала Алисой. Она стала смыслом моей жизни. Муж только обрадовался — у нас появилась дочка. — Голос Ольги Петровны окреп, наполнился материнской силой, но тут же сник. — И вот... теперь ее нет.

Наступила тягостная пауза. Тиканье часов на моем столе гулко отдавалось в наступившей тишине после этой исповеди. Ольга Петровна снова открыла папку, достала толстый конверт.

— Я... небогата, Татьяна Александровна. Но у меня есть кое-что: сбережения, небольшая страховка мужа... — Она положила конверт на стол рядом с копией заключения. В нем угадывалась внушительная пачка купюр. — Я отдам все. Все, что есть. Только узнайте правду. Докажите, что моя Алиса... что она не сама... Что ее... убили. Пожалуйста.

Я посмотрела на конверт, на искаженное горем лицо женщины, на листок с казенным заключением, где фраза о «неестественно театральной позе» будто подчеркивала абсурдность версии самоубийства в свете материнских слов. В голове мелькнули образы: молодая актриса на пороге славы, подкидыш, монастырские ворота, флакон в мертвой руке... Запутанный клубок. Опасный? Возможно. Но...

Я медленно взяла в руки гадальные кости, лежащие на столе. Три гладких, холодных на ощупь кусочка кости, покрытые цифрами, вы-

ручали всегда. Привычный ритуал, помогавший принять решение. Сожму в кулаке крепче... Этот случай? Стоит ли лезть в это осиное гнездо?

Встряхнув кости в сомкнутых ладонях и почувствовав их неровные грани, я бросила на стол. Кости прыгнули, покатались, замерли.

7 + 36 + 17

Значение отложилось в памяти мгновенно: «Пока Вы медлите, будущие удачи могут пострадать, а тайные замыслы врагов возмужают».

Тиканье часов внезапно стало громким, как отсчет последних секунд перед взрывом. Цифровое значение ударило меня с ледяной ясностью. Это был не знак сомнения, а грозное предупреждение. Промедление смерти подобно. Не для меня — для правды, для Алисы. Каждая минута давала силу тому, кто это сделал, кто уже прятал концы, стирал следы, плел алиби в тишине.

Я подняла глаза. Взгляд мой, обычно такой собранный, на мгновение выдал внутренний холод — не от страха, а от осознания масштаба ловушки и невидимой гонки. Я увидела, как застыла Ольга Петровна, как ее пальцы вцепились в подлокотники кресла, будто пытаюсь удержать последнюю надежду от падения. Глаза матери, полные слез и вопросов, читали мое лицо.

— Что... что там? — прошептала Ольга, голос сорвался. — Плохой знак? Вы... не возьметесь? — В ее тоне была готовая прорваться истерика отчаяния.